

А.Т. Твардовский. Фото с дарственной надписью из архива Г. Лебедева

Мы в жизни с А.Т. Твардовским долгое время были рядом. Но не в прямом смысле, а я имею в виду другое, а именно то, что он был и остается с каждым из семьи Лебедевых в наших помыслах, оценках обстоятельств, жизненных ситуаций. Потому, что мы с ним связаны узами кровного родства. Наша мама – Елена Митрофановна и его мама Мария Митрофановна родные сестры, в девичестве обе Плескачевские.

С моими родителями – мамой и отцом, Лебедевым Иваном Филипповичем он был

особенно близок, потому что, кроме близкого родства, он рос на глазах моей мамы. Она его нянчила, будучи на восемь лет старше, водила за руку, смотрела за ним, когда не было рядом родителей, и помогала матери поэта Марии Митрофановне следить за его учебой.

Мама рассказывала, что маленький Шура (именно так звали его в детском возрасте, а не Саша, как об этом часто пишут) был очень любознательным и целеустремленным. И, вместе с тем, послушным. Был такой случай, когда в разгар уборочных работ вся работоспособная семья Твардовских трудилась в поле, моя мама здесь же на лугу сидела на постланном одеяле вместе с Шурой. Рядом стояла телега, где можно было спрятаться от дождя, и недалеко к дереву была привязана лошадь. Шура много раз пытался подойти к лошади, но мама все время не разрешала, и однажды не усмотрела за ним, и он оказался рядом с лошадью у ее ног. На крик мамы он сразу возвратился. Об этом случае, когда я уже был большой, студент, при встрече в Смоленске с Александром Трифоновичем вспоминали, и он, улыбаясь, говорил: «Тетя Лена, ну зачем же волноваться, вы же были сельским жителем, и знали, что лошадь, даже

злая собака чувствует ребенка и никогда не тронет».

У Твардовских в доме было много разных книг. Имелись и детские. Маленький Шура очень любил разные сказки и готов был их слушать день и ночь. Мама ежедневно их ему читала, когда он еще не умел это делать сам. Он даже скорее засыпал, если рядом на кровати лежала книга.

Время шло, Александр Трифонович взрослел. Все заметнее становилась его тяга к книге. Я напому еще об одном случае, который рассказывала мама. Был у моих родителей еще со времен их первого года совместной жизни, как сейчас назвали бы «платяной шкафа», а по тому времени – гардероб. Сделан он был добрым знакомым нашей семьи, первокласснейшим мастером-краснодеревщиком. Гардероб был красивым, с резными и витыми карнизами. Внизу у него было два больших выдвжных ящика. И были они доверху набиты книгами и журналами. И среди них много старинных журналов «Нива», «Искра науки», «Вокруг света». После ухода юным из отцовского дома Твардовский продолжал держать связь с моими родителями. Обменивались письмами, и позднее он приезжал на ж.д. станцию Тычиноно (в двадцати километрах от Смоленска), где в то время уже жили мои родители, и папа работал начальником этой станции. Каждый раз, приезжая, он интересовался книгами, которые лежали в ящиках гардероба. Ему даже было предложено взять на память любую из книг, и он выбрал стихи Н.А. Некрасова.

Время это было одним из труднейших периодов в жизни начинающего поэта. Вот в этот-то период в одном из своих писем к отцу Александр Трифонович и обратился со своей неожиданной, но свидетельствующей о его неумемной тяге к знаниям просьбой. Он просил прислать для чтения (если можно) все что есть. И отец незамедлительно связал в кипы кое-что из ящиков гардероба и выслал в Смоленск в адрес Александра Твардовского. И вскоре, надо полагать, в знак признательности, Александр Трифонович прислал отцу

свою фотографию с дарственной надписью на обороте от 1931 года: «Дорогим тете Елене и Ивану Филипповичу на лучшую память». Это была первая подаренная Александром Трифоновичем фотография, которую как реликвию хранили мои родители, а сейчас она находится у меня.

Когда юный Александр навсегда покинул Загорье, мои родители поддерживали его духовно и помогали материально. Были они и первыми критиками его стихов. Несомненно, что и семья Лебедевых оказала влияние на становление будущего поэта.

Все это я написал из достоверного источника – рассказов моей мамы Елены Митрофановны Лебедевой. Моя первая встреча с Александром Трифоновичем состоялась в 1945 году в городе Смоленске, правда, меня он видел раньше, когда мне было 3 или 4 года.

В 1945 году я и моя сестра Аня поступили учиться в Смоленский электротехникум связи. С общежитием был очень сложный вопрос. Ане место предоставляли, так как семь классов она закончила на отлично. А мне нужно было этот вопрос решать. Жилье для нашей семьи папе на службе обещали только в середине ноября. И меня мои родители определили к тете Мане Твардовской на Запольный переулоч, где я и жил около двух месяцев. Александр Трифонович Твардовский, уже известный поэт часто приезжал в Смоленск и навещал своих родителей. Случился как-то его приезд в субботу утром, когда я еще спал. Тетя Маня сказала ему про меня и зашла ко мне предупредить о его приезде. Я быстро собрался, умылся и зашел в другую комнату. Вскоре туда заглянул и Александр Трифонович. Я очень боялся этой встречи, не знал, как себя вести. Ведь я же был тихий, сельский парень, и вдруг такая неожиданность. И надо отдать должное Александру Трифоновичу, он сразу все понял и сумел как-то с первых слов расположить меня к себе, и у нас получилось интересная, продолжительная и откровенная беседа. Его интересовало буквально все – как мы живем, как идет учеба, чем я интересуюсь и

мои планы на будущее. Остановился я и на своих трудностях, сказал, как я переживал, что был утерян один год учебы из-за оккупации Смоленщины. Ведь мне нужна была как можно скорее специальность, чтобы работать. У отца проблемное сердце, брат придет из госпиталя инвалидом, и мой долг – все для жизни брать на себя. Поэтому я решил за летний сезон подготовиться по программе шестого класса и сдать экстерном экзамены. Проконсультировавшись в РОНО, я этим немедленно занялся. Кстати, были у нас знакомые преподаватели, все у меня получилось, и в начале учебного года я, вместе с сестрой Аней сел за парту в седьмой класс.

Продолжать учебу в средней школе из-за материального положения я не мог, а студентам давали продовольственные карточки наравне с работающими на предприятиях. Все это очень понравилось Александру Трифоновичу, хоть он считал необходимым продолжать учебу, в крайнем случае заочно, но получить высшее образование. Он почувствовал, что с моим настроением все это может получиться. Забегая вперед, я скажу, что все мы трое детей – я, сестра и брат получили высшее образование. Расскажу, как это получилось у моего брата – инвалида Великой Отечественной войны, с помощью Александра Трифоновича. Это было летом 1946 года в городе Смоленске на квартире Марии Митрофановны (матери Твардовского, моей тети). Мой старший родной брат, Валентин, в возрасте 23 лет только что вернулся из госпиталя с Украины, где около двух лет лечился после тяжелого ранения под Берлином. У него, совсем молодого и неопытного, было затруднение в том, что он не знал, как дальше жить. За плечами он имел восемь классов, рука с несросшейся кистью после ранения на марлевой повязке, пробитая автоматной пулей нога и трость для передвижения. В таком возрасте, и с таким образованием он был еще и инвалид второй группы.

От тети Мани мы узнали, что в Смоленск приехал А.Т. Твардовский. Наши родители

решили представить ему Валентина и спросить его совета.

Пришли мы на Запольный переулочек к тете Мане. А.Т. Твардовского там не было. Всегда при приезде в Смоленск его приглашали многие организации, и очень мало времени оставалось, чтобы побыть с родными.

Пообедав вместе с родителями Твардовского Марией Митрофановной и Трифоном Гордеевичем, мы уже собрались уходить, как вдруг за дверью раздались громкие шаги. Вошел Александр Трифонович вместе с каким-то летчиком, майором, с двумя звездами героя. Оба были возбуждены, веселы. Позже выяснилось, что майором тем был уже давно скончавшийся в чине генерала наш знаменитый земляк Владимир Лавриненков. Пошли приветствования и представления, и в общей сумятице выделялся Трифон Гордеевич, невысокий, плечистый, с красивыми седыми усами, и с белыми как вата зачесанными на левый пробор густыми волосами. Помню его веселую фразу: «Подождите вы с поэтом, дайте мне героя». И стал с Лавриненковым обниматься. И уже после Александр Трифонович ответил на заданный ему вопрос моим братом Валентином. Его ответ врезался всем нам в память на всю жизнь. Я приведу его почти дословно: «Подобно тому, как, скажем, наша Волга сильна и могуча потому, что на всем своем протяжении питается другими реками, речками и речушками, так и человек силен и всемогущ тем, что по каплям впитывает в себя знания. Поэтому учиться, молодой человек». И брат выполнил его совет, окончил педучилище, пединститут, и приобщил еще попутно к своему «багажу» знания по музыке и журналистике.

Все четыре года нашей учебы в городе Смоленске мы – каждый раз при приезде Александра Трифоновича в город встречались с ним. Встречи происходили по его просьбе на квартире у тети Мани. О себе он рассказывал кратко, говорил, что мы все это знаем из периодической печати, радио и телевидения, а больше и подробнее интересо-

вала его наша жизнь. Он сильно переживал, слушая наши рассказы о жизни в военное время. Был такой случай с моим братом Валентином в период оккупации. На станции, где жили мы, русские рабочие убирали и подметали территорию. Унтер-офицер предложил Вале перейти к другой куче навоза. Валя заупрямился, и он ударил его по лицу. Пошла кровь. Надо было видеть, как реагировала прибежавшая мама, с криком – «Варвары! Людоеды! Звериное отродье!». Хорошо, что подошел другой немец и сказал, что уберете срочно женщину, ее сейчас застрелят.

Александр Трифонович с восхищением отозвался о моей маме, сказав «Молодец тетя Лена!». И шутливо добавил: «Узнаю характер Плескачевских».

Каждый раз, заканчивая встречу, Александр Трифонович доставал свою тетрадь в кожаном переплете и читал нам стихи, которых, как он говорил, нет еще в печати. Правда, он их не читал, а любил произносить наизусть. Кроме таких встреч, наш папа имел регулярную переписку с ним по почте, и каждое присланное из Москвы письмо заканчивалось словами «ваш А. Твардовский».

После учебы я долгое время работал в городе Пскове, затем в Сибири. За это время встреч с ним не имел. В 1969 году меня перевели на работу в город Калугу, и здесь в 1971 году я получил траурное сообщение о безвременной кончине Александра Трифоновича Твардовского. Вместе с женой я был на его похоронах. Для всех его родственников были забронированы места в западном секторе гостиницы «Россия». На траурной церемонии в доме литераторов все прохо-

дило организовано. Присутствовало много видных литераторов.

В 1965 году, когда в Смоленске хоронили мать Александра Трифоновича – тетю Маню, Александр предложил обойтись без оркестра – «Чтобы меньше душу надрывать».

На похоронах же самого Александра Трифоновича было все, что буквально разрывало душу: тьма-тьмущая скорбящего народа, и траурная музыка, и слезы без конца даже незнакомых людей, и проникновенные молитвы.

Запомнился нам Александр Исаевич Солженицын, уже тогда вовсю опальный. В дубленке, с бородой Достоевского, он держался хоть и особняком, но независимо. При прощании склонился над гробом и перекрестил покойного.

Вечное пристанище Александр Трифонович нашел на Новодевичьем кладбище, рядом с могилами Марка Бернеса и Н.С. Хрущева.

Назавтра утром к нам в номер гостиницы пришли наиболее близкие к Александру Трифоновичу сотрудники редакции журнала «Новый мир»: критик Игорь Александрович Сац, Гавриил Николаевич Троепольский, известный литератор Александр Григорьевич Деметьев и другие. Вспоминали черные дни «Нового мира», неоднократные уходы и возвращения Твардовского, как «главного», его твердость и стойкость в отстаивании позиции журнала. Много мы слышали хороших слов в адрес нашего близкого, родного человека, чьи добрые советы помогли всем нам найти свое место в жизни.

г. Калуга, 21.04.2017 г.